

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ЛЕГАЛИЗАЦИИ ПРЕСТУПНЫХ ПРИОБРЕТЕНИЙ
КАК ВАЖНОЕ УСЛОВИЕ ПРАВОМЕРНОГО УДОВЛЕТВОРЕНИЯ
ЗАКОННЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИНТЕРЕСОВ

Общественная опасность легализации преступных приобретений определяется, в частности, тем, что условия распространенности этого явления позволяют лицам, стремящимся «зарабатывать» на корыстных преступлениях, рассчитывать на то, что преступные приобретения можно в той или иной форме беспрепятственно *использовать*, а следовательно, столь же беспрепятственно и дальше совершать эти самые корыстные преступления, служащие, таким образом, неиссякаемым источником имущественного и прочего достатка.

Сегодня у чиновника, имеющего ежемесячный оклад в сумме 25-30 тысяч рублей, никто не вправе спросить, на какие «шиши» он приобретает многокомнатные квартиры в лучших районах города, дорогостоящие автомашины, строит многоэтажные загородные дома, подолгу и часто выезжает в зарубежные турне. Всякий же намек на «нетрудовые доходы» решительно пресекается – с угрозой привлечения «злопыхателя» к уголовной ответственности за клевету. Чиновник же, вместо того, чтобы «затаиться», избавиться от убедительнейших вещественных доказательств коррупции, легализует их путем вложений в строительный, торговый, ресторанный и прочий бизнес, втягивая в поле своей предпринимательской деятельности по существу всех своих родных и близких.

Довольно часто преступные приобретения используются и в нелегальном обороте – в этом случае они, конечно же, не нуждаются в легализации как таковой. Например, при таких больших масштабах теневой экономики, какие наблюдаются в России, преступнику нет необходимости искать пути законного использования преступных приобретений; он вполне может вкладывать их

как в «серый», так и в вовсе «черный» бизнес, субсидируя, например, контрабанду наркотиков, подпольное производство оружия, порнографические издания, незаконное предпринимательство и т.д.¹ Однако, в конечном счете, «грязные» деньги все же «всплывают» в легальном обороте, отравляя его, внося в него свои «правила игры», навязывая ему свой «стиль» и свой «образ» действий. В результате экономика страны не только не развивается, но, напротив, хиреет, деградирует, вырождается в худший вариант образца прошлых времен.

Самый матерый преступник, в том числе «сделавший» бизнес, может быть, даже на заказных убийствах, получает в настоящее время возможность преспокойно «швырять» деньги налево и направо, покупать квартиры, дома, машины, раздавать кругом крупные взятки и посредством их получать своего рода «разрешения» на занятие высокодоходным бизнесом, менять как перчатки жен и любовниц, покупать и продавать должности начиная с поста мелкого клерка, таможенника, следователя и судьи и кончая креслом депутата, мэра, губернатора и министра.

Легализация преступных приобретений делает невыгодным любой честный бизнес, поскольку расставляет свои акценты в предпринимательских приоритетах, корежит линию власти, превращая ее в произвольную цепь совершенно непредсказуемых действий, деформирует трудовую деятельность, стимулируя противоправные ее виды и разновидности и развращая их участников «длинным рублем», доводит правовой нигилизм до его крайнего состояния, стирая грань между правомерным поведением и поведением противоправным, создавая ситуацию, когда положительные поступки порой воспринимаются

¹ Теневой бизнес – бизнес, осуществляемый без регистрации и (или) без лицензии (если на соответствующий вид деятельности требуется разрешение), «серый» (разновидность теневого бизнеса) – бизнес, осуществляемый при наличии регистрации и лицензии, но с нарушением правил регистрации или лицензионных требований и условий, а равно бизнес, осуществляемый официально, но с такими нарушениями, которые позволяют получать дополнительные доходы, «черный» (вторая разновидность теневого бизнеса) – бизнес, который является в корне незаконным, то есть предполагает занятие запрещенными (в том числе преступными) видами деятельности. Теневой бизнес в любой его форме есть бизнес криминальный, так как занятие им образует, как минимум, состав незаконного предпринимательства (ст. 171 УК РФ). В данной связи представляются безуспешными наблюдаемые в юридической литературе попытки «развести» понятия бизнеса теневого и криминального (см., например: Ветров Н.И., Зацепин М.Н. Милиция и безопасность предпринимательства. М., 1995. С. 16).

как преступления, а преступления, в свою очередь – как «обычное дело обычных людей».

Высказывавшиеся ранее в юридической литературе сугубо умозрительные соображения о том, что легализация преступных приобретений «выведет», в конце концов, теневую экономику из «тени» и она с течением времени вся станет легальной, не получили практического подтверждения². Чем дальше, тем больший размах и более опасные формы приобретает это явление, а поэтому для противодействия ему требуется мобилизация всех сил и средств, которыми располагают сегодня государство и общество.

Уголовное законодательство об ответственности за легализацию (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, в широком его понимании – это не только статьи 174 и 174¹ Уголовного кодекса РФ, но еще и ст. 175 УК РФ (приобретение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем), а также ряд других статей и норм Особенной части УК, предусматривающих ответственность за иные корыстные преступления. К ним косвенным образом могут быть отнесены и отдельные нормы Общей части Кодекса, имеющие то или иное экономическое содержание. На основе всех этих норм и рассмотрим проблемы противодействия легализации преступных приобретений как важного условия легитимного удовлетворения экономических интересов.

1. Экономические интересы, легализация преступных приобретений и задача противодействия данному преступлению. Общие «приобретения» преступников, совершающих корыстные преступления, составляют ежегодно многомиллиардные суммы, причем все они, в конечном итоге, по существу до копейки отмываются, а доходящих до суда уголовных дел, возбуждаемых по вышеназванным статьям Кодекса – к сожалению, единицы. Да и их количество, особенно если говорить о делах, касающихся крупных и особо крупных преступлений, год от года уменьшается. Сами по себе рассматриваемые нормы

² См.: Шеслер А.В. Преступность в сфере экономической деятельности. Тюмень: Академия права и управления: Тюменский филиал, 2006. С. 30-31.

«работать», конечно же, не могут. Запустить их в действие можно только в едином комплексе со *всей* системой норм уголовного законодательства, ориентированной на противодействие *всей* массе корыстных преступлений.

Сказанное подтверждается еще и тем, что образовавшаяся в стране «индустрия» легализации сопоставима по своим масштабам с «индустрией» корыстной преступности, а поэтому «на прицел» уголовного законодательства должны быть одновременно взяты обе эти «индустрии» – тем более, что они тесно взаимосвязаны между собой. По существу это – одни и те же массивы, так как практически все преступные приобретения, в конечном счете, отмываются. Ну а поскольку в основе тех и других преступлений – экономические интересы, то изучение избранной для анализа проблемы начнем именно с их разбора.

Как и любое иное корыстное преступление, легализация преступных приобретений мотивирована экономическими интересами, которые применительно к преступному поведению обычно характеризуются в качестве интересов корыстных. Экономические интересы – весомый (хотя, конечно же, и не единственный) фактор поведения людей, проявляемого по существу во всех сферах жизнедеятельности, за исключением, может быть, политики, культуры, философии, религии и некоторых других. Экономические интересы являются психологической доминантой, определяющая не только поведение каждого человека в отдельности, но и деятельность целых сообществ людей, в том числе организаций, предприятий, учреждений, трудовых коллективов, цехов, участков, бригад, различных структур гражданского общества, ветвей государственной власти. Вот почему вопросы правового обеспечения экономических интересов представляются весьма актуальными, а поэтому нуждающимися в пристальном исследовательском внимании.

Особый аспект проблемы – уголовно-правовые средства обеспечения экономических интересов. Речь в данном случае идет о *легальных* интересах, то есть о таких, удовлетворение которых осуществляется законными средствами и методами. Так, если экономические интересы удовлетворяются путем

трудовых усилий лица, путем развития его деятельной активности, в том числе, например, в сфере законного предпринимательства, то они *охраняются* законом. Правовые средства их обеспечения в таких случаях *актуальны*, а следовательно, нуждаются в поддержке и развитии. Если же экономические интересы удовлетворяются посредством совершения преступлений (например, посредством хищений, взяточничества, легализации преступных приобретений и т.п.), то они – *не предмет* правового обеспечения, и их охрана правовыми средствами и методами недопустима, поскольку сама по себе она противоправна.

Сказанное можно проиллюстрировать ссылкой на конституционное право каждого на частную жизнь. О какой частной жизни может идти речь, если жизнь человека связана, например, с притонами разврата, проституцией, растлением малолетних, педофилией, распространением венерических заболеваний, ВИЧ-инфекции, нарко- и порнобизнесом, тем же отмыванием преступно добытого имущества? Да, это – тоже частная жизнь, но в таком виде она не может защищаться правом. Поэтому под частной жизнью – в смысле соответствующих конституционных норм – следует понимать не *любую* жизнь частного лица, а ту, которая, являясь глубоко индивидуальной, развиваясь по собственным для данного конкретного человека правилам, в то же время не противоречит ни праву, ни морали. То же самое следует сказать и об экономических интересах как объекте правового обеспечения. Не всякие экономические интересы заслуживают правового обеспечения, а только те из них, которые удовлетворяются легитимным путем.

Как фактор, определяющий не только «состояние души», но и «функционалирование тела», экономические интересы довольно часто проявляются в тесном единстве с другими интересами – политическими, профессиональными, этическими, эстетическими и т.д. Более того, экономические интересы нередко «маскируются» под эти (другие) интересы, проявляются внешне в ином облике, порой весьма далеком от их подлинной сути.

С другой стороны, любые «иные» интересы, взятые вне интересов экономических, обычно не получают развития, если не подкреплены последними. Они гаснут как костер на ветру, как поэзия, не приносящая поэту славы, как безответная любовь. Например, профессиональные навыки врача, преподавателя, ученого, лишённые экономического интереса, существенно снижаются, притупляются, а порой и вовсе утрачиваются, вследствие чего врач становится таксистом, преподаватель – автослесарем, а ученый идет на рынок торговать «ширпотребом».

Если духовные интересы – вечные ценности жизни, дарованные нам свыше, от Бога, то экономические интересы – наше уже земное приобретение. Но нельзя отрывать здесь одно от другого, так как в реальной жизни одно без другого не существует. Все в ней тесно взаимосвязано и переплетено. Не хлебом единым жив человек, говаривали в старину, намекая, как видно на то, что, помимо земных радостей, человеку нужны еще и радости неземные, то есть духовные, не только греющие тело, но и ласкающие наши души. Древние римляне выражали это единство интересов в несколько приземленной форме («хлеба и зрелищ...»), но смысл его был предельно ясен: отрыв экономических интересов от духовных, а духовных – от экономических неизбежно приводит к тому, что удовлетворения не получают ни те, ни другие.

Нынешняя трагедийность российской действительности, на наш взгляд, как раз в том и состоит, что все кинулись из одной крайности в другую, то есть от стремления творить добро к стремлению его «наживать». Такова правда жизни – горькая, но, безусловно, прямая, честная, открытая, искренняя. Может быть, будущие поколения людей научатся жить как-то по-иному, но сегодня – иначе не получается. Осуществленный в свое время в нашей и в ряде других стран социально-политический эксперимент, не принимавший во внимание экономические интересы в качестве главной движущей силы цивилизованного развития, благополучно прошел все свои стадии – мучительного становления, героического подъема, а затем и медленного, но неуклонного угасания.

«Энтузиазм миллионов», в конце концов, иссяк, сменился апатией, уходом людей «в себя», полным равнодушием к исходящим от власти величественным идеям высшей социальной справедливости. Власть же, не получавшая поддержки «снизу», оказалась как бы в безвоздушном пространстве. Она начала метаться, делать ошибки, биться в конвульсиях, предсмертных судорогах и, в конце концов, тихо скончалась, надолго (а может быть, и навсегда), оказавшись в музее древностей – рядом с бронзовым топором и прялкой. Достигнутые высоты рухнули, похоронив под обломками и то, что, наверное, было достойно и лучшей участи, а именно войти в новую жизнь и стать основой возрождения страны.

Но предпринятые усилия, надо полагать, не были напрасными. Человечество извлекло из «великого почина» большой морально-нравственный урок. Оно произвело основательную инвентаризацию ценностей и, в конце концов, обрело если и не истинное, то, во всяком случае, более достоверное представление о них, более верное понимание сути антагонизмов и компромиссов, стало лучше ориентироваться в путях-дорогах, в направлениях развития. Человечество стало лучше организовывать и регулировать взаимоотношения труда и капитала, оптимальнее формировать социальные сферы, основательнее «делать» науку, культуру и искусство. Что-то получается, что-то – не очень, что-то вообще не получается, а где-то наблюдается даже некоторый «откат» (движение вспять), но стало совершенно очевидным, что лучше плохой мир, чем «хорошая война», предпочтительнее гармонизировать отношения, чем обострять их до предела, доводить до «точки кипения», целесообразнее избегать противостояния, чем пустить их на самотек, позволив разгуляться стихии.

Запад, похоже, разобрался в учении К.Маркса, поняв его так, что нельзя допускать дело до антагонизма – во всяком случае, до крайней его степени, до предельной остроты противоборства, за которой – «война всех против всех», чреватая непредсказуемыми последствиями, что надо договариваться, что труд и капитал хотя и обречены на вечное противостояние, но они способны, когда надо, находить и общий язык, объявлять «перемирия», основанные на каких-то

общих интересах (пусть не существенных, не решающих, но все же реально значимых), в том числе на интересах экономического, политического и правового характера. Мы же, россияне, с идеологической «водой» выплеснули в учении К.Маркса и его экономического «ребенка», в результате чего у нас капиталисты наживают капиталы, чиновники – собирают коррупционные подати, преступники – «экспроприируют экспроприаторов», государство – копит «золотовалютные резервы», а человеку труда достаются все увеличивающиеся в размерах бедность, пьянство, алкоголизм, наркомания, производственный травматизм, ранения и гибель в дорожно-транспортных происшествиях, болезни (в том числе заразные), преждевременная смерть.

Рыночная экономика – рациональное, эффективное, естественным образом сложившееся и поставленное на службу человеку, обществу и государству «изобретение» человечества, но, как показало время, она – не панацея от всех бед. Новая экономика (вернее, основательно забытая старая) «работает» только в условиях достаточно жесткого государственного контроля, обеспечивающего интересы *всего общества в целом*, а не только класса собственников, предпринимателей, чиновников, менеджеров, торговцев и т.д. На Западе давно все это понято и те же произведения К.Маркса об экономических интересах как факторе общественного развития давно уже включены в сокровищницу общемировой правды, а мы все еще мечемся между «капитализмом» и «социализмом», не зная, к какому берегу пристать, изобретаем какой-то собственный («евроазиатский», «социокапиталистический», «западно-восточный» и т.д.) путь развития, отыскивая какую-то «золотую середину», какие-то «собственные модели» движения вперед.

Сохраняя экономические интересы в качестве главного «инструмента» цивилизованного развития, человечество дополнило их новым инструментарием. С огромными супермаркетами, переполненными разнообразными товарами, стали соседствовать зоопарки, аквапарки, луна-парки, стадионы, аттракционы, театральные центры, различные зрелищные шоу, бесконечные по масштабам «ярмарки счастья». В традиционной комбинации «хлеба и зрелищ»

компонента «зрелищ» переместилась, пожалуй, на первое место, но сама она при этом не только не утратила своей коммерческой составляющей, но, напротив, существенно пополнила и усилила ее. Открывающиеся возможности легализации не только преступных приобретений, но и вообще всего противоправного используются максимально широко, предельно полно и далеко небезуспешно.

Созданная индустрия развлечений стала сферой, где обращаются суммы, сопоставимые с суммами, обращаемые в самых прибыльных секторах экономики. У человека, кроме Бога, появились еще два объекта поклонения – Деньги и Веселье. Магазины и зрелищные учреждения превратились в новые храмы, в которых современный обыватель удовлетворяет свои «духовные» потребности в такой же мере и с такой же легкостью, как и набожный человек удовлетворяет свои – в церкви. Но, как учит история, «мир экономических интересов» человека столь же хрупок, как и мир любых других его интересов, в том числе культурных, идеологических, политических и т.д. Если нет достаточно эффективных стабилизирующих факторов, включая факторы правового обеспечения, то он разбивается на мелкие осколки с такой же неизбежностью, с какой разбивается брошенный на пол хрустальный бокал с шампанским.

Уголовный закон не может рассматриваться как некое спасительное средство, как единственная и самая оптимальная «мера всех вещей», как то, без чего все пропадет, превратится в прах. Но, как показывает опыт, при поддержке со стороны уголовного закона правопорядок, в том числе экономический, становится более прочным, а следовательно, и более пригодным для обеспечения благополучия граждан, общества, государства. Подобно тому, как неотъемлемым условием существования любого живого организма нужен воздух, так и обществу нужен правопорядок. Без правопорядка общество «задыхается», деформируется, «рвется» на части, превращается в безжизненное пространство холодного Космоса. Особенно быстро происходит деградация общества в условиях ненадлежащего экономического правопорядка: вначале страна переходит на ресурсно-сырьевую экономику, а затем начинается вывоз из нее

культурного, интеллектуального и профессионального потенциала. В «теплые края» уезжает значительная часть населения, в том числе молодое поколение женщин, которое могло бы у нас дать потомство и определенным образом поправить нашу и без того безрадостную демографию ситуации. Процессы ресурсно-сырьевого истощения и «обезлюживания» нашего государства, что так настойчиво пытался осуществить еще Гитлер, активизировали территориальные претензии стран-соседей, вследствие чего создалась вполне реальная перспектива дальнейшего расчленения страны.

Одна из глобальных проблем переходного периода – резко обострившаяся ситуация с преступлениями в сфере экономики, существенно нарушающими установленный законом порядок удовлетворения экономических интересов. Хищения и захваты заложников, убийства и акты бандитизма, вымогательства и разбойные нападения, терроризм и террористические акты, незаконное предпринимательство и незаконная банковская деятельность, теневая экономика и уклонение от уплаты налогов (сборов) – все эти и подобные им преступления идут рука об руку, умножая и без того многочисленные трудности выхода страны из затянувшегося кризиса. Кражи, грабежи, разбойные нападения, мошенничества, присвоения, коррупция, другие злоупотребления чиновничества стали повсеместными явлениями, на которые государство уже практически не обращает внимания. Ставшая по существу всеобщей криминализация экономических отношений составляет одну из главных угроз национальной безопасности, поскольку подрывает фундаментальные основы формируемого правового государства и зарождающегося гражданского общества. Официальная экономика все больше сползает в тень и становится сферой приоритетных интересов «боссов» организованной преступности, в связи с чем на 180 градусов меняется вектор преобразований, постепенно становясь вектором со знаком «минус». Время для страны вначале как бы остановилось, а затем и вовсе пошло как бы в обратном направлении, то есть вспять, из настоящего в прошлое, все больше погружая нас в мрак, казалось бы, давно уже перевернутых страниц российской истории.

Время, когда еще можно было обойтись без особой активизации грубой силы уголовного закона, безвозвратно упущено. Наступил момент, требующий достаточно применения жестких мер. Если в борьбе с терроризмом министр обороны в свое время предлагал наносить ракетные удары по базам террористов, где бы они не находились (в том числе за рубежом), а генеральный прокурор – задерживать родственников террористов, то это лишь подтверждает то, что дальнейшее промедление в применении эффективных мер противодействия преступности способно привести к необратимым деструктивным процессам. Речь идет не о том, чтобы отменять действующие законы и вершить правосудие «по законам военного времени», а о том, чтобы действующие законы, воплощающие в себе правоприменительную силу государства, действительно действовали, то есть на самом деле применялись (а не пребывали в дремотном состоянии) и тем самым реально охраняли все то, что и должны охранять.

Уголовное законодательство официально призвано охранять около ста объектов, являющихся важнейшими ценностями жизни (благами, интересами, отношениями). В числе их – жизнь, здоровье, физическая свобода, честь, достоинство человека, его конституционные права и свободы, собственность, экономическая безопасность и экономический правопорядок, интересы предпринимательства и предпринимателей, коммерческих организаций и организаций, не являющихся коммерческими (и в то же время не являющихся государственными или муниципальными), общественная безопасность и общественный порядок, здоровье населения и общественная нравственность, экологическая безопасность и экологический правопорядок, транспортная безопасность и транспортный правопорядок, информационная безопасность и информационный правопорядок, конституционный строй и безопасность государства, государственная власть и интересы государственной службы и службы в органах местного самоуправления, правосудие и порядок управления, порядок несения военной службы, мир и безопасность человечества.

Все эти объекты так или иначе отражены в названиях и содержании глав Особенной части Уголовного кодекса РФ. В их системе экономические интересы занимают одно из центральных мест. И правомерное удовлетворение их не может состояться иначе, как посредством именно правомерного поведения. Из родника можно пить воду, черпая ее только чистой кружкой, а не какой-либо валяющейся рядом грязной банкой, в которой, может быть, ночевала какая-нибудь мелкая лесная живность, потому что так можно и родниковую воду отравить и самому заболеть каким-либо заразным заболеванием. Точно так же обстоит дело и с экономическими интересами. Удовлетворять их можно пользуясь предназначенными для этого законными средствами, а можно это делать и пользуясь средствами противоправного свойства. Законным средствам право открывает широкий простор, а противоправным чинит всемерные препятствия. Иначе нельзя сохранить ни чистоту источника, ни законный характер интересов, ни безопасность тех, кто пытается их тем или иным образом удовлетворить.

2. Система уголовно-правовых норм, дисциплинирующих порядок реализации экономических интересов, и противодействие легализации преступных приобретений. Есть в уголовном законодательстве нормы, непосредственно направленные на охрану экономических интересов граждан, общества, государства, а есть нормы, которые направлены на охрану таких интересов опосредовано. Первая группа норм – прежде всего статьи Уголовного кодекса РФ об ответственности за преступления в сфере экономики (ст. 158-204). В системе приоритетных экономических интересов, охраняемых уголовным законом, на первом месте (по расположению статей в Уголовном кодексе) – интересы собственников и иных владельцев (например, ст. 158-168 УК), на втором – интересы предпринимателей и предпринимательства (например, ст. 169 УК), на третьем – финансовые интересы государства (например, ст. 198, 199, 199¹ и 199² УК) и, наконец, на четвертом – интересы потребителей (например, ст. 238 УК).

Но в УК РФ есть и нормы, которые охраняют экономические интересы, так сказать, опосредовано. К их числу относятся, в частности, ст. 111, 112 и 115 УК РФ, предусматривающие ответственность за умышленное причинение вреда здоровью, тяжесть которого оценивается в том числе с учетом экономического критерия – степени утраты потерпевшим общей трудоспособности. Статья 111 УК, кроме того, учитывает и критерий утраты потерпевшим профессиональной трудоспособности.

В одном ряду с названными нормами находятся ст. 127¹ и ст. 127² УК РФ, предусматривающие ответственность за торговлю людьми и использование рабского труда.

Отчетливо выражен экономический аспект также в следующих статьях УК РФ: 141¹ (нарушение порядка финансирования избирательной кампании кандидата, избирательно объединения, избирательного блока, деятельности инициативной группы по проведению референдума, иной группы участников референдума), 145 (необоснованный отказ в приеме на работу или необоснованное увольнение беременной женщины или женщины, имеющей детей в возрасте до трех лет), 146 (нарушение авторских и смежных прав), 147 (нарушение изобретательских и патентных прав), 157 (злостное уклонение от уплаты средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей).

Экономическая подоплека просматривается и в статьях УК РФ об ответственности за терроризм (ст. 205), захват заложника (ст. 206), бандитизм (ст. 209), организацию преступного сообщества (преступной организации) (ст. 210), угон судна воздушного или водного транспорта (ст. 211), прекращение или ограничение подачи электрической энергии либо от других источников жизнеобеспечения (ст. 215¹), приведение в негодное состояние объектов жизнеобеспечения (ст. 215²).

О крупном, а в ряде случаев и об особо крупном ущербе от преступления речь идет, например, в статьях 216 (нарушение правил безопасности при ведении горных, строительных или иных работ) и 217 (нарушение правил безопасности на взрывоопасных объектах) УК РФ.

Экономическая направленность характерна также для таких преступлений, как незаконное занятие частной медицинской практикой или частной фармацевтической деятельностью (ст. 235 УК РФ), производство, хранение, перевозка либо сбыт товаров и продукции, выполнение работ или оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности (ст. 238), вовлечение в занятие проституцией (ст. 240), организация занятия проституцией (ст. 241), незаконное распространение порнографических материалов или предметов (ст. 242), изготовление и оборот материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних (ст. 242²).

Этим же (экономическим) свойством обладают и некоторые экологические преступления – например, такие, как незаконная добыча водных животных и растений (ст. 256 УК), нарушение правил охраны рыбных запасов (ст. 257), незаконная охота (ст. 258), незаконная порубка деревьев и кустарников (ст. 260), нарушение режима особо охраняемых природных территорий и природных объектов (ст. 262).

Влекут экономические потери и такие преступления, как, например, приведение в негодность транспортных средств или путей сообщения (ст. 267 УК), неправомерный доступ к компьютерной информации, создание, использование и распространение вредоносных программ для ЭВМ, нарушение правил эксплуатации ЭВМ, системы ЭВМ или их сети (ст. 272-274), государственная измена в форме шпионажа (ст. 275), шпионаж (ст. 276), диверсия (ст. 281), разглашение государственной тайны (ст. 283), утрата документов, содержащих государственную тайну (ст. 284).

Негативно сказываются на экономике страны, в частности, еще и следующие преступления: злоупотребление должностными полномочиями (ст. 285 УК), нецелевое расходование бюджетных средств и средств государственных внебюджетных фондов (ст. 285¹ и 285²), превышение должностных полномочий (ст. 286), незаконное участие в предпринимательской деятельности (ст. 289), получение и дача взятки (ст. 290 и 291), халатность (ст. 293).

Как правило, экономическим свойством характеризуются и такие преступления, как провокация взятки или коммерческого подкупа (ст. 304 УК), незаконные действия в отношении имущества, подвергнутого описи или аресту либо подлежащего конфискации (ст. 312), похищение или повреждение документов, штампов, печатей либо похищение марок акцизного сбора, специальных марок или знаков соответствия (ст. 325), подделка или уничтожение идентификационного номера транспортного средства (ст. 326), подделка, изготовление или сбыт поддельных документов, государственных наград, штампов, печатей, бланков (ст. 327), изготовление, сбыт поддельных марок акцизного сбора, специальных марок или знаков соответствия либо их использование (ст. 327¹), самоуправство (ст. 330).

Таким образом, в Уголовном кодексе РФ насчитывается около ста статей (по меньшей мере, 96), устанавливающих ответственность за преступления, посягающие на те или иные экономические интересы. Это – свыше трети (35 %) всех статей Особенной части Кодекса, что свидетельствует о приоритетной важности рассматриваемых интересов.

Кроме того, следует сказать и о некоторых статьях Общей части Уголовного кодекса РФ, имеющих определенное экономическое содержание. Это – например, статьи 2 (задачи уголовного закона), 38 (причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление), 39 (крайняя необходимость), 41 (обоснованный риск) УК РФ.

Экономическое содержание свойственно таким видам наказаний, как штраф (ст. 46 УК), лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью (ст. 47), обязательные и исправительные работы (ст. 49 и 50), лишение свободы – на определенный срок и пожизненное (56 и 57).

Каждая из перечисленных выше норм так или иначе «работает» на экономический правопорядок, его укрепление и на законное удовлетворение экономических интересов. И главный «стержень» всех этих норм проходит по «оси», полюсами которой является, с одной стороны, ст. 174, а с другой – ст.

174¹ УК РФ. Детальный анализ их будет сделан ниже, а пока обратимся к имеющим то или иное экономическое содержание нормам Общей части УК РФ.

3. Направления совершенствования норм Общей части уголовного законодательства по обеспечению экономических интересов и противодействию легализации преступных приобретений. Экономическая направленность уголовного законодательства, ориентированная на противодействие легализации преступных приобретений, могла бы быть, как представляется, существенно усилена посредством, в частности, следующих преобразований в Общей его части.

Прежде всего, в Уголовный кодекс РФ целесообразно включить главу 3¹, которая могла бы быть озаглавлена, например, так: «Объект преступления. Действие, его последствия и причинная связь. Место, время, обстановка, способ, приемы, средства и орудия совершения преступления». В статьях этой главы важно было бы указать, в частности, на собственность, экономику и экономические интересы как на объекты уголовно-правовой охраны (объекты преступления), на обязанность виновных в совершении преступлений лиц возмещать *имущественный ущерб* (возможно, в кратном размере), а также компенсировать *моральный вред*, причиненные преступлением. При этом необходимо, по возможности, «тарифицировать» (не «точечным» образом, а в определенных пределах) физический, экономический, политический, социальный, этический, эстетический, психологический и иной вред применительно к различным видам преступлений, а также различные сочетания этих видов вреда.

Должен, как мы полагаем, подлежать возмещению и ущерб, сопряженный с расследованием преступлений, а также с судебным рассмотрением уголовных дел, в связи с чем необходимо внести соответствующие дополнения в уголовно-процессуальное законодательство. Перекидывать (возлагать) эти расходы на налогоплательщиков просто некорректно – ведь они ни в чем не виновны, если, конечно же, не считать их некоторой пассивности в проявлении инициатив общественной и государственной важности. То есть в чем-то

их вина, конечно же, просматривается, но это – скорее вина моральная, чем юридическая: не досмотрели, проглядели, проворонили, проморгали... Одним словом... – «лопухнулись». Ведь, в конце концов, все мы в ответе за все, что происходит вокруг, в том числе за совершаемые по существу повсеместно преступления. Но отсутствие юридической вины субъектов гражданского общества, конечно же, не только не исключает, но, напротив, предполагает наличие вины конкретных физических лиц, а следовательно, и их уголовной ответственности.

Отцу, плохо воспитавшему несовершеннолетнего сына (в связи с чем тот в группе сверстников совершил, например, кражу), *может быть* брошен довольно выразительный моральный упрек в ненадлежащем выполнении соответствующего родительского долга. На отца может быть даже возложена обязанность (с его, разумеется, согласия) уплатить соответствующий штраф, назначенный по приговору суда сыну за совершенную им кражу (ч. 2 ст. 88 УК РФ), но признать его виновным в совершенном сыном преступлении нельзя. Другое дело, что законодательство должно создать достаточно разветвленные и полноценные условия для надлежащего «поведения» общества – поведения, которое если не исключало, то, по крайней мере, сводило бы к минимуму проявление еще существующих в стране криминогенных факторов.

В статью 28 УК РФ (невиновное причинение вреда) предлагается внести дополнение, которое состояло бы в том, что ущерб, причиненный невиновно совершенным деянием (деянием, запрещенным уголовным законом), подлежит возмещению в соответствии с гражданским законодательством.

В Уголовный кодекс РФ предлагается включить ст. 36¹ («Общее понятие обстоятельств, исключающих преступность деяния»), поместив ее в начале главы 8 («Обстоятельства, исключающие преступность деяния») и сформулировав, например, в следующем виде: «Исключающими преступность совершенного деяния признаются обстоятельства, при которых оно хотя формально и предусмотрено уголовным законом в качестве преступления, но в действительности таковым не является, поскольку совершается для достижения обще-

ственной пользы, значимость которой значительно превышает причиненный деянием вред. Такими обстоятельствами в соответствии со статьями настоящей главы являются: необходимая оборона, причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление, крайняя необходимость, физическое или психическое принуждение, обоснованный риск, исполнение приказа или распоряжения.

Такие исключаяющие преступность деяния обстоятельства, как малозначительность деяния, добровольный отказ от преступления, деятельное раскаяние, примирение с потерпевшим (прощение потерпевшим виновного), истечение сроков давности совершения преступления, компромисс, стечение тяжелых обстоятельств, согласие потерпевшего на причинение ему вреда, предусмотрены в статьях (или в примечаниях к ним) других глав настоящего Кодекса³.

Исполнение закона, исполнение законного решения, исполнение лицом своих профессиональных или иных обязанностей, исполнение лицом своего гражданского долга, осуществление лицом своего права и другие подобные обстоятельства могут рассматриваться в качестве исключаяющих преступность деяния только при наличии условий, которые хотя прямо не предусмотрены уголовным законом, но вытекают из общего его смысла.

Вопрос о возмещении вреда, причиненного при наличии того или иного обстоятельства, исключаяющего преступность деяния, решается в соответствии с гражданским законодательством».

Статью 46 Уголовного кодекса РФ предлагается дополнить указанием, состоящим в том, что штраф *всегда* применяется в качестве дополнительной меры наказания, если в качестве основного наказания назначается лишение свободы, арест, ограничение свободы, исправительные или обязательные работы, в том числе в случае назначения какой-либо из этих мер условно. При этом в случае невозможности уплаты штрафа виновным он взыскивается с его

³ Такие исключаяющие преступность деяния обстоятельства, как компромисс, стечение тяжелых обстоятельств и согласие потерпевшего предусмотрены в качестве специальных оснований освобождения от уголовной ответственности, например, соответственно в примечаниях к статьям 206, 337 и 122 УК РФ.

родственников или организации, в которой работает (работал) виновный – с их согласия, а при наличии их моральной вины в случившемся – без такового.

Имеется прецедент подобного решения, допускающего исключение из предусмотренного ст. 5 УК принципа вины, на который уже обращалось внимание выше. Так, внесенное Федеральным законом от 8 декабря 2003 года в ч. 2 ст. 88 УК дополнение устанавливает, в частности, следующие положения:

«Штраф назначается как при наличии у несовершеннолетнего осужденного самостоятельного заработка или имущества, на которое может быть обращено взыскание, так и при отсутствии таковых. Штраф, назначаемый несовершеннолетнему осужденному, по решению суда может взыскиваться с его родителей или иных законных представителей с их согласия».

Полагаем, что при законодательном формировании комбинированных санкций по типу «основное наказание плюс дополнительное наказание в виде штрафа» одному году основного наказания в виде лишения свободы должен соответствовать дополнительный штраф в размере не менее двадцати пяти тысяч рублей, одному месяцу наказания в виде ареста – штраф в размере не менее десяти тысяч рублей, одному году наказания в виде ограничения свободы – штраф в размере не менее пяти тысяч рублей, одному году наказания в виде исправительных работ – штраф в размере не менее двух с половиной тысяч рублей, ста двадцати часам наказания в виде обязательных работ – штраф в размере не менее одной тысячи рублей. В случае назначения какого-либо из этих наказаний *условно* можно предусмотреть снижение нижнего предела суммы дополнительно назначаемого штрафа наполовину.

Освобождение от уголовной ответственности или от наказания по основаниям и в случаях, предусмотренных уголовным законом, также должно сопровождаться уплатой в доход государства достаточно значительных денежных сумм – например, не менее одной тысячи руб. Проезд освобожденного от наказания (в том числе по отбытию наказания) к месту своего жительства должен осуществляться не за счет государства, а за счет средств самого освобожденного.

Необходимо также подумать над тем, чтобы дополнить уголовное и уголовно-исполнительное законодательство нормами, в силу которых осужденные сами несли бы расходы по их содержанию в период исполнения наказаний. Если государство все еще находится в таком состоянии, что не может взять на себя эти расходы в полном объеме, то единственным источником необходимых средств может стать только имущество самих лиц, совершающих преступления. Данное решение при сложившихся обстоятельствах является, на наш взгляд, единственно верным. Другое дело, что не все привлекаемые к уголовной ответственности лица обладают достаточными для погашения расходов средствами. В данной связи следует подумать над тем, чтобы осужденные на период исполнения наказания могли бы привлекаться к работам, которые позволили бы им сполна рассчитаться по долгам.

Обсуждая вопрос экономического содержания норм Общей части Уголовного кодекса РФ, нельзя пройти мимо включения Федеральным законом от 8 декабря 2003 года в Кодекс главы 15¹ («Конфискация имущества») с ее статьями 104¹, 104² и 104³. Внимательный анализ этих статей показывает, что они ничего нового не вносят в нашу уголовную политику, так как соответствующие имущественные санкции могут применяться к виновным и в соответствии с процессуальным законодательством. Более того, эти нормы нововведенной главы 15¹ УК РФ только запутывают проблему, поскольку вносят некоторые ограничения на применение конфискации имущества, допускаемое в рамках уголовно-процессуального законодательства.

Гораздо проще было бы вновь включить конфискацию имущества в систему наказаний и разнести эту меру по санкциям статей Особенной части УК РФ об ответственности за наиболее опасные корыстные и некоторые иные преступления⁴. Было бы весьма целесообразным, чтобы конфискация имуще-

⁴ Следует поддержать высказываемые в юридической литературе суждения о целесообразности восстановления в уголовном законодательстве (применительно как к легализации преступных приобретений, так и к ряду других преступлений) конфискации имущества как самостоятельного вида дополнительного наказания (см., например: Сабанина О.В. Уголовная ответственность за легализацию (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург: Уральская госуд. юрид. акад., 2004. 24 с.; Магомедов А.А., Мазур С.Ф. Противодействие преступности в сфере эко-

ства обращалась лишь на то имущество виновного лица, законность происхождения которого данное лицо не может подтвердить достаточно убедительными доказательствами. Такое решение вопроса было бы, как мы полагаем, весомым вкладом в осуществление практической уголовной политики на направлении противодействия как легализации преступных приобретений, так и тех преступлений, посредством которых такие приобретения делаются.

4. Направления совершенствования норм Особенной части уголовного законодательства в целях создания более предпочтительных условий для удовлетворения законных экономических интересов и повышения эффективности противодействия легализации преступных приобретений. Что касается норм Особенной части Уголовного кодекса РФ, то в целях легитимизации удовлетворения экономических интересов и повышения эффективности противодействия легализации преступных приобретений через всю систему этих норм следует отчетливее провести градацию признаков преступлений (конструктивных и квалифицирующих) с использованием терминов «значительный» (не мелкий), «существенный», «крупный», «особо крупный» и «особенно крупный» ущерб. Преступность деяния может устанавливаться с использованием первого термина (из перечисленных пяти), а *степени* преступности – с использованием последующих четырех терминов, последовательно характеризующих соответствующие признаки в качестве квалифицирующего, надквалифицирующего, особо квалифицирующего и особенно квалифицирующего. Это должно касаться, как мы полагаем, не только собственно экономических (ст. 158-204 УК), но и ряда других преступлений, в том числе экологических, транспортных, компьютерных.

Отдельно надо остановиться на транспортных преступлениях (ст. 263-271 УК РФ). В первоначальной редакции большинства статей Уголовного кодекса РФ об этих преступлениях указание на крупный ущерб *имелось* (хотя при этом не использовалась категория «особо крупный ущерб»), но в даль-

нейшим в соответствии с упомянутым выше Федеральным законом от 8 декабря 2003 года оно (указание) было исключено, что не совсем верно воспринимается сегодня следственной и судебной практикой как определенная декриминализация соответствующих транспортных деяний. С нашей точки зрения, исключение указания на крупный ущерб из первых частей ряда статей Уголовного кодекса РФ, предусматривающих ответственность за отдельные виды транспортных преступлений, не должно восприниматься практикой как декриминализация соответствующих транспортных деяний, поскольку эти статьи (в части, касающейся ущерба) являются *специальными нормами* по отношению к статье 168 УК (уничтожение или повреждение имущества по неосторожности), являющейся в данном случае *общей* нормой. Теперь в случае нарушения правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, повлекшего крупный ущерб, должна применяться именно эта (168-я) статья Уголовного кодекса. Она же должна применяться и во всех других случаях отсутствия подобных специальных норм, но ее следует, на наш взгляд, несколько «облегчить», исключив из нее указание на «неосторожное обращение с огнем и иными источниками повышенной опасности». Данное указание (наряду с указанием на *особо* крупный ущерб) было бы более уместным, по нашему мнению, в *части второй* статьи 168 УК РФ, которой (частью второй) следовало бы дополнить эту статью и которая (опять-таки часть вторая) предусматривала бы гораздо более строгое наказание чем один год лишения свободы – верхний предел наиболее строгого наказания, предусмотренного санкцией ст. 168 УК.

В части второй ст. 167 УК РФ («Умышленное уничтожение или повреждение имущества») целесообразно указать на *крупный* ущерб, а в части третьей (которой было бы целесообразно дополнить данную статью) – на *особо крупный* ущерб – с установлением адекватной санкции.

С учетом задач повышения эффективности уголовно-правовой охраны экономических интересов граждан представляется неоправданным исключение в соответствии с упомянутым выше Федеральным законом от 8 декабря

2003 года следующих статей Уголовного кодекса: 152 – торговля несовершеннолетними, 182 – заведомо ложная реклама и 200 – обман потребителей. Хотя, надо заметить, потери в уголовно-правовой охране экономических интересов, связанные с признанием утратившими силу статей 182 (заведомо ложная реклама) и 200 (обман потребителей) УК, в полной мере компенсируются включением в «работу» на соответствующих направлениях статей 165 (причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием) и 159 (мошенничество) УК. Вместе с тем, понятно, что указанные статьи в отношении соответствующих случаев могут применяться лишь при условии причинения ущерба, сумма которого превышает, по меньшей мере, один минимальный размер оплаты труда, величина которого, как известно, с 1 января 2009 года составила сумму 4330 руб. Таким образом, и здесь если мы и можем говорить о декриминализации, например, обмана потребителей, то лишь как о декриминализации частичной. Что же касается заведомо ложной рекламы, то признание статьи о ней (182-й) утратившей силу должно рассматриваться не как декриминализация (частичная или полная) этого деяния, а как его *дополнительная криминализация, то есть... докриминализация*. Сказанное объясняется тем, что если ранее действовавшая статья 182 УК (заведомо ложная реклама) устанавливала уголовную ответственность за соответствующие обманные действия только при наличии *корыстной заинтересованности и значительного ущерба*, то ныне предлагаемая к применению в отношении подобных действий, например, статья 165 УК (причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием) формально ни того, ни другого не предусматривает.

В то же время важно подчеркнуть, что ст. 152 УК (торговля несовершеннолетними) *не полностью* «перекрывается» внесенной Федеральным законом от 8 декабря 2003 года в Уголовный кодекс статьей 127¹ (торговля людьми), поскольку последняя обуславливает ответственность за торговлю людьми «целью эксплуатации» (что не предусматривалось признанной утратившей силой статьей 152 УК).

Нуждаются, на наш взгляд, в кардинальной доработке статьи Уголовного кодекса об ответственности за преступления против собственности. Например, следует решительно пересмотреть содержащийся в них набор квалифицирующих признаков – с тем, чтобы они последовательнее проводили конституционный принцип равной охраны различных форм собственности и были более... «ухватистыми». Санкции должны восходить в своей строгости до предельно допустимого размера, так как сами преступления против собственности довольно часто не признают никаких пределов, являются в этом смысле как бы «безразмерными». В составах мошенничества, присвоения, вымогательства, причинения имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием, а также в ряде составов других экономических преступлений (например, в составе, предусмотренном ст. 179 УК – принуждение к совершению сделки или к отказу от ее совершения) квалифицирующие признаки использования служебного положения необходимо «выстроить» по ступенчатой схеме – использование служебного положения: а) «простыми» служащими; б) служащими, являющимся должностными лицами или лицами, выполняющими управленческие функции; в) особо ответственными государственными, муниципальными или иными служащими.

Более четкой должна быть конструкция «простых» (базовых) составов преступлений против собственности. Например, надо строже «развести» составы мошенничества и присвоения, совершаемые с использованием служебного положения, четче определить составы разбоя (как завладения чужим имуществом путем насилия... или угрозы его применения) и вымогательства (как требования передачи чужого имущества... путем угроз⁵). Состав хищения предметов, имеющих особую ценность, важно дополнить в ст. 164 УК указанием на *вымогательство* этих предметов.

Полагаем, что имеет смысл расширить пределы действия статьи 165 УК (причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления до-

⁵ В принципе характер угрозы здесь не должен иметь существенного значения (во всяком случае, для квалификации вымогательства). Важно лишь то, что виновное лицо использует ее (угрозу) для достижения той или иной корыстной цели.

верием) посредством указания в диспозиции ее первой части, наряду с обманом и злоупотреблением доверием, также на «иной способ», охватив им, например, выведение из строя технических систем – по типу, например, создания, использования и распространения вредоносных программ для ЭВМ (ст. 273 УК РФ).

Сохраняя данную общую норму (ст. 165 УК), можно было бы дополнить Уголовный кодекс еще и рядом специальных (по отношению к ней) норм – например, об ответственности за кражу энергии (электрической, тепловой, иной), за отказ от оплаты оказанных услуг, выполненных работ (строительных, ремонтных, иных), за отказ от оказания предварительно оплаченных услуг, выполнения предварительно оплаченных работ, за неправомерное получение платежей (например, проводником вагона поезда с пассажира-безбилетника), за незаконное пользование льготами и преимуществами, за отказ от ранее данных обещаний, причинивший собственнику или иному владельцу существенный имущественный ущерб.

Обсуждаемый ныне в научных (аналитических) кругах, в том числе в юридической литературе и средствах массовой информации, вопрос о возможном отказе законодателя от ст. 166 УК (неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения) заставляет подумать о возможных правовых последствиях этого шага (если последний будет все же осуществлен). Полагаем, что если это действительно произойдет, то угоны транспортных средств автоматически будут переведены в разряд хищений. Именно на такую переориентацию применения статей 158, 161 и 162 УК и будет, по всей вероятности, рассчитывать законодатель, если отважится на отказ от статьи 166 УК. Тем самым он признает «некорректными» ныне содержащиеся в заголовке статьи 166 УК слова «...без цели хищения», поскольку любой угон транспортного средства всегда характеризуется всеми признаками хищения, предусмотренными в примечании 1 к ст. 158 УК.

Другое дело, что если хищение транспортного средства сопряжено с его использованием (эксплуатацией), когда виновное лицо, например, уже управ-

ляет им, то в данном случае ответственность должна быть гораздо более строгой, так как при этом создается угроза причинения ущерба еще и дополнительному объекту – общественной безопасности, то есть в этом случае возможны столкновения автомашин, их поломка, наезды на пешеходов, причинение вреда здоровью людей и даже гибели их. Конечно же, кража автомобиля, сопряженная с его использованием – гораздо более опасное преступление, чем, скажем, похищение электронной техники из квартиры (пусть даже на сумму, сопоставимую со стоимостью автомобиля), поскольку автомобиль – это источник повышенной опасности, требующий особой предосторожности в обращении с ним. Известно, что угонщик в среднем в двести раз чаще совершает дорожно-транспортное происшествие (ДТП), чем водитель, находящийся за рулем на законном основании, что объясняется, в частности, стремлением угонщика как можно скорее уехать с места совершения преступления, скрыться, отсутствием у виновного достаточных навыков управления автомобилем (по крайней мере, именно угоняемым автомобилем) и (или) иными причинами.

С другой же стороны, задача повышения эффективности уголовно-правовой охраны экономических интересов требует сохранения в уголовном законодательстве того принципиального направления, которое ориентировано на реагирование на факты неправомерного завладения чужим имуществом. Но здесь нельзя ограничиваться криминализацией неправомерного завладения автомобилем или иным транспортным средством (в том числе в случае, если завладение транспортным средством не связано с его угоном). Важно также криминализовать неправомерное завладение гаражом, квартирой, индивидуальным домом, сараем, амбаром, контейнером, складским помещением, офисом, производственным помещением, компьютером или другим ценным имуществом – например, в статье 166¹, которой можно было бы дополнить Уголовный кодекс.

В ст. 177 УК крупный размер буквально отнесен законодателем только к уклонению (злостному) от *погашения кредиторской задолженности*; что же касается уклонения (злостного) от *оплаты ценных бумаг*, то здесь, строго

формально говоря, размер уже не играет роли (разумеется, если он не настолько мал, чтобы это позволяло констатировать отсутствие общественной опасности деяния – в силу малозначительности последнего). Если это – не сугубо редакционный просчет составителей проекта УК, а действительная воля законодателя, то найти ей разумное объяснение весьма трудно, если, конечно, вообще возможно. Во всяком случае, крупный размер уклонения от оплаты ценных бумаг должен был бы в этом случае упоминаться в *части второй* статьи 177 УК (которой следовало бы, как мы полагаем, дополнить названную статью), а особо крупный размер – соответственно в *части третьей* этой статьи (которой также было бы целесообразно дополнить последнюю), то есть применительно к уклонению от погашения кредиторской задолженности. Думается, все же, что в данном случае имеет место сугубо редакционная погрешность, которую необходимо исправить, выровняв подход к размеру всего ряда указанных в ст. 177 УК деяний. При этом само собой напрашивается вывод о необходимости дополнения данной статьи *частью второй*, которая содержала бы указание на особо крупный размер.

Явным пробелом статьи 184 УК (подкуп участников и организаторов профессиональных спортивных соревнований и зрелищных коммерческих конкурсов) является отсутствие в ней указания относительно иных (помимо зрелищных) коммерческих конкурсов (например, аукционов, конкурсов проектов, поставщиков, строительных организаций и т.п.), организаторы и участники которых могут, злоупотребляя доверием, влиять на результаты проводимых такого рода мероприятий. Кроме того, участников и организаторов состязаний (конкурсов) в названии статьи следовало бы поменять местами, так как подкуп организаторов соревнований (конкурсов) есть, несомненно, более опасное деяние. Наконец, в названии упомянутой статьи в числе субъектов подкупа (получения и передачи предмета подкупа) названы участники конкурсов, но в самой статье эти лица в указанном качестве не упоминаются, что тоже представляется пробелом. Можно было бы несколько по-иному озаглавить ст. 184 УК (например, так: подкуп организаторов и участников профессиональных спор-

тивных соревнований и подкуп организаторов конкурсов), но это означало бы, на наш взгляд, неоправданное сужение действительного смысла данной статьи, которая, исходя из ее названия, должна быть ориентирована на пресечение подкупа во *всех* его общественно опасных проявлениях, в том числе и в форме незаконного получения участниками конкурсов предмета подкупа.

В статьях 186 и 187 УК выпали из сферы криминализации *приобретение и использование* поддельных денег и ценных бумаг (ст. 186), поддельных кредитных либо расчетных карт и иных платежных документов (ст. 187), что, безусловно, «бьет» по экономическим интересам тех, кто оказывается невольным обладателем подобных фальшивок.

В части второй статьи 188 УК (контрабанда) смешались «...в кучу кони, люди...» и в общем ряду предметов контрабанды оказались и наркотики, и оружие, и военная техника, и ядерные материалы, и стратегически важные сырьевые ресурсы, и культурные ценности, и многое другое. По нашему мнению, следует «развести» эти предметы, в том числе с учетом ввоза их в страну и вывоза их из нее, дифференцировав соответственно ответственность. Совершенно очевидно, что ввоз в страну, например, наркотических средств (психотропных веществ)⁶ и ввоз в нее, скажем, культурных ценностей – совершенно разные по характеру и степени общественной опасности деяния. С другой стороны, абсолютно различается по этим же признакам вывоз тех и других предметов: если вывозят культурные ценности, то страна теряет свою историческую память, а если – наркотические средства (психотропные вещества), то страна ее обретает.

Законодатель, как мы полагаем, совершенно справедливо проигнорировал в своей криминализационной политике такие действия, как незаконный импорт и передачу (внутри страны) соответствующих «предметов» при установлении уголовной ответственности за незаконный *экспорт и передачу* сы-

⁶ Попутно заметим, что дополнение Федеральным законом от 8 декабря 2003 года уголовно-правовых норм об ответственности за незаконные приобретение, хранение, перевозку, изготовление, переработку, производство, сбыт и пересылку наркотических средств или психотропных веществ указанием еще и на «аналоги» этих средств и веществ (ст. 228 и 228¹ УК) есть ни что иное, как изъятие из принципа законности, в соответствии с которым «применение уголовного закона *по аналогии* (курсив наш. – П.П.) не допускается» (ч. 2 ст. 3 УК).

рья, материалов, оборудования, технологий и научно-технической информации, которые могут быть использованы при создании оружия массового поражения, вооружения и военной техники (ст. 189 УК), а поэтому дифференцированный подход следовало бы проявить и в отношении соответствующих действий с другими «предметами».

Нельзя не учитывать и цели, с которыми через таможенную границу Российской Федерации незаконно переправляются, например, сильнодействующие, ядовитые, отравляющие, взрывные, радиоактивные вещества, радиационные источники, ядерные материалы, огнестрельное оружие, взрывные устройства, боеприпасы, оружие массового поражения, средства его доставки, иное вооружение, иная военная техника, материалы и оборудование, которые могут быть использованы при создании оружия массового поражения, средства его доставки и т.п. Если это такие цели, достижение которых чревато серьезными негативными последствиями, то данное обстоятельство должно, безусловно, влиять на степень преступности и наказуемости соответствующих деяний.

Экономические интересы граждан, организаций и государства удовлетворялись бы в большей мере, если бы примечания к статьям Особенной части УК, определяющие размеры ущерба, доходов и других «параметров» преступлений, были бы более точными и наглядными. Неудобны для понимания и практического применения примечания к статьям 198 и 199 УК, устанавливающие стоимостные критерии крупного и особо крупного размеров уклонения от уплаты налогов (сборов).

Безосновательна дифференциация в названных статьях Уголовного кодекса РФ размеров неуплаченных налогов (сборов) применительно к физическим лицам и организациям, свидетельством чему может послужить, в частности, отсутствие таковой (дифференциации) в ряде других «однотипных» составах – например, в составах, предусмотренных статьями 193 (невозвращение из-за границы средств в иностранной валюте) и 194 (уклонение от уплаты таможенных платежей, взимаемых с организации или физического лица) УК.

Все, что касается «размеров» преступлений, следует, на наш взгляд, максимально унифицировать и, может быть, даже вынести за «скобки» Особенной части УК, поместив положения о них в Общую часть Кодекса – например, в предложенную выше к включению в УК главу 3¹ – «Объект преступления. Деяние, его последствия и причинная связь. Место, время, обстановка, способ, приемы, средства и орудия совершения преступления».

Положения примечаний к отдельным статьям Особенной части УК, устанавливающие особые основания освобождения от уголовной ответственности, целесообразно в унифицированном виде компактно сосредоточить в главе 6 Кодекса («Неоконченное преступление») – сразу же после статьи 31, регламентирующей вопросы добровольного отказа от преступления.

Все это, несомненно, будет способствовать решению практических задач, связанных с противодействием легализации преступных приобретений.

5. Направления совершенствования статей 174, 174¹ и 175 УК РФ в плане задач повышения эффективности противодействия легализации преступных приобретений. Путь становления уголовно-правовых норм об ответственности легализацию преступных приобретений был в нашей стране долгим и мучительным. Изначальная редакция статьи 174 УК РФ охватывала оба вида легализации, а именно легализацию, совершаемую как самим лицом, которое посредством преступлений «приобрело» денежные средства и (или) иное имущество, так и совершенную «другим лицом», то есть лицом, которое лично само посредством совершения преступления денежные средства или (и) иное имущество не «приобретало», а ограничилось исключительно ролью «легализатора». При этом менялся подход к законодательному определению стоимостного критерия преступной легализации, варьировалось описание чисто внешней формы легализации, изменялся объем преступных способов «приобретения» денежных средств или иного имущества, легализация чего должна, по мысли законодателя, рассматриваться как преступление, дифференцировалась ответственность с учетом особенностей субъекта легализации, менялся

«набор» квалифицирующих, особо квалифицирующих и особенно квалифицирующих признаков легализации.

Работа эта, как видно, пока еще не доведена до логического завершения, в связи с чем все еще остается не зафиксированной в законе стоимостная «планка» легализации на нижнем уровне ее общественной опасности, в статьях 174 и 174¹ УК РФ не ощущается позиция законодателя относительно некоторого «присутствия» в легализации институтов соучастия в преступлении и прикосновенности к преступлению, легализация незаконных приобретений не «разведена» с приобретением или сбытом имущества, заведомо добытого преступным путем (ст. 175 УК). Все эти вопросы требуют глубокого и всестороннего аналитического внимания.

Что касается нашей позиции по ним, то она сводится к следующему:

1. В примечании к статье 174 УК необходимо установить (применительно как к данной статье, так и к статье 174¹ УК) стоимостную «планку» легализации на нижнем уровне ее общественной опасности путем указания на значительный (не мелкий) размер, величина которого может быть определена в сумме свыше 10 тысяч рублей (до 100 тысяч рублей). При этом существенный размер (дифференцированно квалифицирующий признак) целесообразно определить соответственно в сумме, превышающей 100 тысяч рублей (вторые части данных статей), крупный – свыше 250 тысяч рублей (третьи части), особо крупный – свыше одного миллиона рублей (четвертые части) и особенно крупный – свыше десяти миллионов рублей (пятые – новые – части);

2. Из диспозиции части первой статьи 174 УК предлагается исключить указание на «цели придания правомерного вида владению, пользованию и распоряжению указанными денежными средствами или иным имуществом», поскольку любая упоминаемая в данной диспозиции сделка автоматически придает указанным ценностям внешне правомерный вид;

3. Из диспозиции части первой статьи 174¹ УК целесообразно устранить указание на «использование указанных средств или иного имущества для осуществления предпринимательской или иной экономической деятельности»,

поскольку данное деяние охватывается понятием «делка», упоминаемым в вышеназванной диспозиции;

4. В статьях 174 и 174¹ УК:

- термин «приобретенных» рекомендуется заменить на – «добытых»;

- вместо словосочетания «денежных средств или иного имущества»

предпочтительнее, на наш взгляд, использовать словосочетание – «денежных средств или (и) иного имущества»;

5. В начале диспозиции части первой статьи 174 УК важно сделать дополнение в виде слов «Заранее не обещанные...», а в примечании к этой же статье целесообразно разъяснить, что в случае заранее обещанной легализации действия «легализатора» квалифицируются как пособничество соответствующему преступлению (посредством которого добываются денежные средства или (и) иное имущество), а лицо, совершившее соответствующее преступление, привлекается к ответственности еще и по статье 174¹ УК – за соучастие в легализации в форме пособничества ей;

6. Статью 175 УК РФ необходимо «перепрофилировать» на легализацию (в обоих ее видах) – в размере, ниже значительного, но превышающем сумму в одну тысячу рублей. В «связке» с этим составом в части второй данной статьи целесообразно предусмотреть состав совершения незаконных действий с денежными средствами или (и) иным имуществом (хранение, перевозка, пересылка и т.п.) в значительном размере. В последующих частях (третьей, четвертой, пятой и шестой) статьи 175 УК «ступенчатым» образом (по «классической» схеме) предлагается выстроить систему квалифицирующих, надквалифицирующих, особо квалифицирующих и особенно квалифицирующих признаков (применительно к размерам, особенностям группы и т.д.). Статью 175 УК целесообразно озаглавить так: «Легализация... и иные незаконные действия с денежными средствами и (или) иным имуществом преступного происхождения в небольшом размере»⁷.

⁷ К сожалению, специалисты, исследующие проблемы легализации преступных приобретений, стараются, как правило, «не замечать» статью 175 УК РФ, а специалисты, исследующие проблемы приобретения или сбыта имущества, заведомо добытого преступным путем – статьи 174 и 174¹ УК РФ (см., например: Крапивина О.Н.

Завершая данный материал, подчеркнем, что экономические интересы – главная побудительная сила как поведения людей, в том числе преступного, так и профессиональных действий сотрудников правоохранительных органов, осуществляющих борьбу с преступностью. Они же (эти интересы) лежат и в основе уголовно-правовых норм, на базе которых осуществляется противодействие преступлениям. Например, убийство, даже если оно совершается не по корыстным мотивам, есть понятие не только юридическое, но в известном смысле и экономическое, так как если погибает трудоспособный человек, призванный содержать, по меньшей мере, свою семью, престарелых родителей, то материальный ущерб неизбежен. Найти и наказать убийцу – это тоже в некотором роде экономическое действие, поскольку убийца должен, наряду с отбытием наказания, возместить еще и тот материальный ущерб (как прямой, так и в виде упущенной выгоды) и компенсировать тот моральный вред, которые он причинил своими преступными действиями.

Конечно, было бы неверным «замкнуть» все уголовное право на экономику, но в такой же мере было бы неверным и игнорировать экономические аспекты уголовного права. Категория экономических интересов – с нашей точки зрения, весьма удачная для понимания экономического содержания уголовного права и его задач по противодействию легализации преступных приобретений.

Сведения об авторе: Панченко Павел Николаевич,
зав. кафедрой уголовного права и уголовного процесса Нижегородского
филиала Государственного университета – Высшая школа экономики,
доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный юрист Российской Федерации, академик РАЕН,
член РАЮН, член Российской криминологической ассоциации.

Рабочий адрес: 603155, г. Нижний Новгород, 155, ул. Большая Печерская, 25/12, Нижегородский филиал Государственного университета – Высшая школа экономики, Факультет права, Кафедра уголовного права и уголовного процесса

Рабочий телефон: 8-(831)-4-16-95-35

Электронный адрес: panvest@mail.ru

Домашний адрес: 603132, г. Нижний Новгород, 132, а/я 293 (для телеграмм: 603132, г. Нижний Новгород, 132, ул. Даргомыжского, дом 19, корпус 5, квартира 67)

Домашний телефон: 8-(831) -2-58-81-29